

Телегид

Юрий Норштейн:
«Все дело в гармонии»

Валерия ВАЛЫЦОВА

На днях в рамках Международной ярмарки интеллектуальной литературы non/fiction №6 прошла встреча с режиссером-мультипликатором, кавалером Ордена восходящего солнца, Золотые лучи с розеткой Юрием Норштейном. «Мультипликация в контексте японской культуры» — так мастер определил тему своего монолога.

Япония уже давно вошла в жизнь Юрия Норштейна. Более трех лет назад началась работа над проектом «Зимний день», куда вошли 36 работ от 35 самых известных мировых анимационных режиссеров. Россию представляли Александр Петров, получивший «Оскара» за картину «Старик и море», и Юрий Норштейн, чья лента «Ежик в тумане» была признана лучшим мультфильмом всех времен и народов на фестивале анимационных фильмов в Токио.

Мультипликационный альманах «Зимний день» стал уникальным в том смысле, что свободу творчества в нем ограничивала лишь необходимость визуализировать хокку японского классика Басё, записанные им в дорожную тетрадь в 1684 году, а уж какими средствами и сколько это должно длиться по времени — это уже решали сами режиссеры. Идея сделать фильм по циклу стихов Басё «Зимний день», который называется Рэнку, то есть «сцепленные строфы», родилась у японского аниматора Кихатио Кавамото, который и пригласил 26 своих соотечественников, а также знаменитых коллег из России, Канады, Бельгии, Китая, Чехии, Великобритании в возрасте от 34 до 80 лет.

Изысканная рисованная лента Юрия Норштейна открывает альманах. В Японии есть нарицательный литературный персонаж по имени Тикусай. Он аптекарь, шарлатан, но веселый, обаятельный человек, поэтому люди к нему тянутся вне зависимости от его умения лечить. Хокку, «доставшееся» Норштейну, звучит так:

«Безумные стихи»...

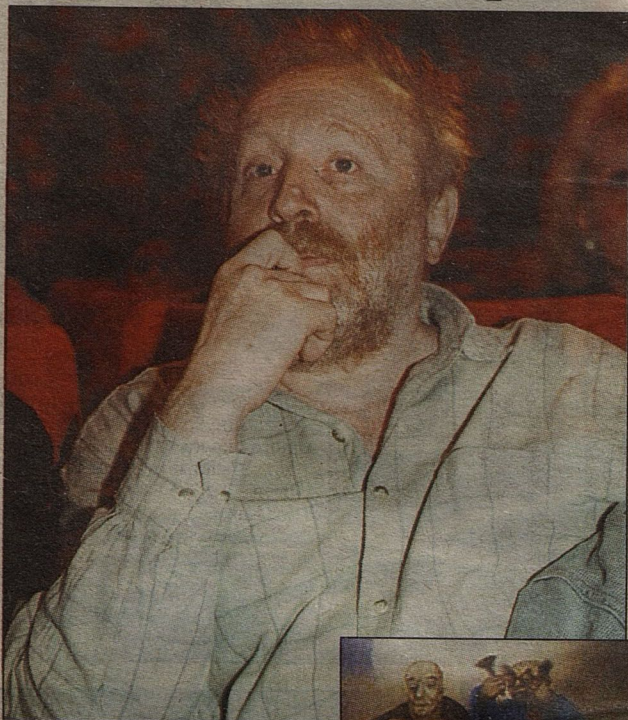
Осенний вихрь...

О, как теперб

в своих лохмотьях я

На Тикусая нищего похож.

Собственно говоря, вот и все стихотворение. Попробуйте из этого извлечь какой-нибудь сюжет. Вообще в смысле сюжетосложения японские стихи малопригодны для этого, как и в целом японская живопись. Они лишены внешней сюжетной значительности. Однако Юрий Борисович Норштейн создал полторы минуты ожившей поэзии, ни в чем не изменив своему фирменному стилю, отмеченному многими международными призами, но при этом картина не кажется европейской, так мало в ней суетности действующих лиц, мелькания кадров. Пространство фильма заполнено тонкими, но удивительно точными мазками, которые выкристаллизовывают из цветового хаоса лица, фигуры, деревья и дорогу, уходящую вдаль, по которой идет поэт Басё.

ЮРИЙ НОРШТЕЙН,
режиссер-мультипликатор:

Когда-то давно, лет в 15, я случайно купил в букинистическом магазине маленький томик переводов японских поэтов. Я ничего тогда о японской культуре не знал, только то, что где-то далеко, за 8 тысяч километров, есть какие-то острова. Прочитав несколько строчек (а мне сразу попались классические стихи Басё, очевидно, по той причине, что эту книжку чаще всего открывали на его наиболее известных стихах «В старый пруд прыгнула лягушка. Плеск в тишине»), я ровно ничего не понял. Но все равно время от времени заглядывал в эту книжку. И чем больше я туда заглядывал, тем больше возрастала магия этой поэзии. Да, собственно говоря, что это за поэзия — «На голый ветке Голубь сидит одиноко. Осенний вечер»? Потом, когда я впервые увидел японские гравюры, у меня произошла некая связь между японскими стихами и живописью. А уж когда я занялся мультипликацией и начал понимать, что она — серьезное искусство, что в ней скрыта какая-то

тайна, которую мы разгадываем, вот тогда пошли явные переклички между мультипликацией и японской поэзией. А в чем тут дело? Дело здесь в краткости. Мультипликация — это искусство, которое владеет краткостью и энергией формы, она вся поэзия.

Когда японцы увидели мои фильмы, то пристали ко мне с расспросами, как я отношусь к японской культуре и почему я вдруг их культуру вложил в свои картины. На самом деле я специально ничего не брал из их изобразительного искусства (я говорю «я», хотя речь идет и о художнике, и о кинооператоре). Но произошло странное сближение, как писал Пушкин. То, что мне грезилося, нравилось, привлекало: пейзажи, гравюры, стихи — так или иначе откладывалось во мне и каким-то совершенно непонятным путем проявилось в моих фильмах. Я думаю, что сказку «Ежик в тумане» для своей работы я выбрал по на-

званию. Было в этой сказке Козлова что-то такое, в чем я увидел пространство, где туман является средой, которая может из себя выпускать буквально точечные изображения, и эти изображения могут иметь гораздо более сильное влияние на зрительское сознание, чем постоянный экшн. Но есть здесь и естественная опасность: не почувствовать, какие моменты могут привлечь или отвлечь зрителя. И приходишь к очень простому выводу — все дело в гармонии; ведь только гармонические соотношения могут решить, как мне кажется, успех или неуспех фильма.

Что-то, а понятие гармонии в японской культуре развито в большей степени, чем все остальное. В это понятие входит все. Недавно мой, смею сказать, друг — поэт Александр Тимофеевский, задал мне вопрос: «Какие пять вещей тебя больше всего поразили в Японии?» Вопрос трудный, потому что меня много что поразило в этой стране. Я ему ответил, что про сад камней говорить пошло, а поразили чистый воздух в Токио, голубое небо в отличие от серого московского, хотя машин там видимо-невидимо. Еще поразило то, что я вечером шел по городу и услышал сверчка. Еще в Токио всегда находится небольшое место, пусть величиной с хлебную тарелку, где лежит камень, струится вода, растет травка и какое-нибудь кривое дерево, и поразило то, что никто не сворачивает шею этому маленькому садику. Удивило еще и то, что когда мы «обмывали» «Зимний день», то пришли в одну харчевню, где всего-то стояло два столика, а нас туда набилось человек 50 и никто никому не мешал. Это состояние, когда никто никому не мешает, во многом сравни тому, что у них происходит в поэзии и искусстве. Европейская позитивистская философия ничего общего не имеет с японской. В Европе все определено заранее, выбора нет. На Востоке ты находишься в руках, как я бы назвал, обратно разворачивающейся перспективы. Восток — это пространство, в то время как в Европе перспектива однолинейна, сходится в одну точку. А восточное пространство дает высокую степень свободы внутри художественного произведения.